

УДК 316.34
ББК 60.545.1
И 50

Д.И. Имагожева,

соискатель кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, преподаватель Назрановского политехнического колледжа, г. Назрань, тел.: 8-928-798-64-14

Ф.Б. Цогоева,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского Центра социальных исследований Института социально-политических исследований РАН и Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им.В.И.Абаева Владикавказского научного Центра РАН, г.Владикавказ, e-mail: vesna_alania@list.ru

Экстремизм на Северном Кавказе: социологический анализ

(Рецензирована)

Аннотация. В статье на материалах этносоциологического исследования, проведенного в марте 2011 года, рассмотрены основные причины возникновения и распространения экстремизма, а также особенности влияния угроз экстремистского характера на североосетинское общество. В Республике Северная Осетия-Алания, являющейся полиэтнической и поликонфессиональной, представлены все мировые религии, где доминирующими конфессиями продолжают оставаться христианство и ислам.

Ключевые слова: конфессии, государственно-конфессиональные отношения, религия и религиозные объединения, этнос, модернизация, христианство, ислам, традиционные религии, религиозная самоидентификация, сепаратизм, радикализм, экстремизм, угрозы.

D.I. Imagozheva,

Applicant of the Adyghe State University, Polytechnic College Lecturer Nazran, Nazran, tel.: 8-928-798-64-14

F.B. Tsogoeva,

Candidate of Sociology, senior researcher of the North Ossetian Social Research Center, Institute for Socio— Political Studies and the North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research named after V.I.Abaev, Vladikavkaz Scientific Center of RAS, Vladikavkaz, e-mail: vesna_alania @ list.ru

Extremism in the Northern Caucasus: a sociological analysis

Abstract. The main reasons for the emergence and spread of extremism, and especially the influence of extremist threats to the North Ossetian society are considered on materials of the ethnosociological study conducted in March 2011. All the world's religions are presented in the multi-ethnic and multi-confessional Republic of North Ossetia-Alania, where the dominant religions are Christianity and Islam.

Keywords: confessions, state-confessional relations, religion and religious associations, ethnicity, modernization, Christianity, Islam, traditional religion, religious identity, separatism, radicalism, extremism and threats.

В сложной структуре межрелигиозных и межконфессиональных отношений в современном российском обществе наиболее существенное, причем возрастающее значение, имеют государственно-конфессиональные

отношения, в основе которых лежат законодательно закрепленные представления о месте религии и религиозных объединений в жизни общества, об их функциях, о сферах деятельности и компетенции всех институциональных субъектов этих отношений, главными из которых, с одной стороны, являются религиозные объединения во всем их многообразии, с другой стороны, государство в лице специальных органов, уполномоченных законом в той или иной мере оказывать на них регулятивное воздействие. Отношения государства и религиозных объединений, регулируемые правовыми нормами, приобретают особую актуальность при разработке стратегии национальной безопасности. Несовершенство законодательства в этой сфере и недооценка таких взаимоотношений приводят к национализму, религиозному экстремизму, терроризму, а вместе с тем и к связанным с этим факторам — легализации незаконных доходов, наркомафии, торговле оружием и другим негативным последствиям.

Кардинальные перемены, произошедшие в общественно-политической жизни России в 90-е гг XX — начале XXI вв, затронули не только государственное и политическое устройство страны, но и существенным образом трансформировали сферу государственно-конфессиональных отношений. «Религиозное возрождение» в СССР во второй половине 1980-х гг. начиналось с осознания обществом необходимости снятия ранее существовавших неправомερных ограничений на деятельность религиозных объединений. Несколько позже к заметно активизировавшейся после празднования 1000-летия христианства на Руси деятельности Церквей и деноминаций добавились, с одной стороны, стремление властных структур заручиться поддержкой религиозных объединений для проведения социальных, экономических и политических реформ в стране, а с другой стороны, «встречное движение»: стремление отдельных религиозных объединений к более активному участию в политике

и в различных областях общественной жизни.

Нарастание отмеченных выше процессов в немалой степени обуславливалось также очень популярной в период горбачевской «перестройки» идеей, согласно которой привнесение в жизнь россиян религии в ближайшей перспективе положительно отразится на их морали, позволит устранить социальную напряженность в обществе, улучшить взаимоотношения между различными политическими группами. Для этого попросту необходимо осуществить так называемое «воцерковление» россиян, т.е. обращение их к религии, прежде всего, к православию.

Минуло более десяти лет с того момента, как в Российской Федерации начался процесс демократизации в сфере свободы совести; значительное количество культовых зданий и имущества за эти годы возвращено религиозным центрам и верующим; религиозные объединения получили возможность широкого участия в общественной жизни. Все это отразилось на характере государственно-конфессиональных отношений: они стали существенной частью отношений государства с формирующимся гражданским обществом. От их состояния во многом зависит, установится или нет диалог между обществом и государственными институтами, а, следовательно, гражданский мир и согласие.

Вместе с тем негативные тенденции в государственно-конфессиональных отношениях, связанные с наблюдаемыми сегодня феноменами политизации религии и клерикализации отдельных государственных институтов и сфер, требуют адекватного ответа на вопрос, в какой мере эти процессы отвечают современным мировым тенденциям и демократическим нормам.

Северный Кавказ — регион полиэтничный и поликонфессиональный, здесь представлены все мировые религии, где доминирующими конфессиями продолжают оставаться ислам и христианство. Здесь проживает более 50 народностей, отличающихся друг от друга не только языком, но и куль-

турой, менталитетом. Среди 7 северокавказских республик христианство доминирует только в одной Северной Осетии, в остальных республиках доминирующей конфессией является ислам.

В РСО-Алания, по данным Управления Федеральной регистрационной службы по Республике Северная Осетия — Алания на 30.12.2011 г., зарегистрировано 82 религиозных объединения различного толка, из которых 26 православных, 15 — исламских, 4 — «Свидетели Иеговы», 8 — баптистских, 4 — христиане веры евангельской (ХВЕ), 9 — христиане веры евангельской (пятидесятники), 2 — католических, 2 — традиционных верований осетин (ассов) и другие. Активной гражданской позицией среди религиозных организаций отличаются самые крупные организации в республике — Русская православная церковь и Духовное управление мусульман Северной Осетии.

Характерной особенностью Северной Осетии является поликонфессиональность единого народа — осетин. Если славянские народы, армяне и грузины относят себя только к христианской конфессии; ингуши, чеченцы, кумыки и азербайджанцы — к исламу; то осетины относят себя к 3 конфессиям: христианству, исламу и традиционной религии.

В постсоветский период Республика Северная Осетия-Алания, как и другие субъекты Российской Федерации, испытала значительные социально-политические перемены, которые затронули и религиозную сферу, оказали существенное влияние на систему взаимоотношений «личность-общество-государство». Процесс религиозного возрождения в республике идет параллельно с ростом самосознания этнонациональных групп населения, поэтому становится актуальным вопрос об этноконфессиональной идентичности граждан. Недооценка органами власти роли религиозного фактора в данной сфере, несвоевременное реагирование на трансформацию этнополитической и

этносоциальной ситуации усиливает конфликтность этноконфессиональных отношений в республике.

Новая религиозная ситуация, сложившаяся в регионе к настоящему времени, обусловлена ростом религиозности населения. Активизируя свою деятельность, религиозные объединения стремятся распространить влияние на все сферы общественной жизни, что вызывает неоднозначную реакцию общества и государства, привело к усилению конкуренции между конфессиями. Таким образом, сегодня религия и конфессиональные структуры превратились в существенный фактор общественно-политической жизни в республике. Активность, в том числе политическая деятельность религиозных организаций, особенно тех, которые охватывают своим влиянием десятки миллионов людей и обладают мощным и разветвленным пропагандистским аппаратом и имеют многовековой опыт воздействия на массы, не может не привлечь внимание учёных, политиков, общественных деятелей. Усиление сложности и проблемного характера современной религиозной и религиозно-политической ситуации объективно выдвигает на первый план задачу её познания.

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена также поиском оптимальных для РСО-Алания форм взаимоотношений между органами исполнительной власти и религиозными объединениями в целях реализации в обществе принципа свободы совести и вероисповедания. В связи с этим значимым становится анализ развития государственно-конфессиональных отношений в Республике Северная Осетия-Алания.

В мае-июне 2011 года с целью изучения современного состояния государственно-конфессиональных отношений в Республике Северная Осетия-Алания и выявления основных тенденций их дальнейшего развития, Северо-Осетинским Центром социальных исследований ИСПИ РАН при финансовой поддержке Министерства общественных и внешних связей РСО-А

было проведено этносоциологическое исследование на тему: «Государственно-конфессиональные отношения в Республике Северная Осетия-Алания: этносоциологический анализ».

Для достижения поставленной цели необходимо было определить степень влияния исповедуемых населением республики традиционных форм религии на формирование толерантного мировоззрения, а также оценить степень обеспокоенности граждан республики влиянием существующих угроз экстремистского характера на общество.

В рамках данного исследовательского проекта были проведены массо-

вый и экспертный опросы. Массовый опрос был проведен в г.Владикавказ и 8 районах Республики Северная Осетия-Алания. Целесообразный объем выборки составил 1000 респондентов в возрасте от 18 лет и старше (табл. 1). Математическая ошибка такой выборки не превышает 3,1%, то есть обеспечивает надежную репрезентативность для каждого обследуемого субъекта Российской Федерации. Для проведения опроса выборка строилась как территориальная, стратифицированная по типам населенных пунктов, маршрутная, квотная по социально-демографическим и этноконфессиональным признакам.

Таблица 1

Социально-демографическая, этноконфессиональная характеристика респондентов, (%)

Пол		Возраст		Образование		Национальность		Конфессиональная принадлежность	
муж.	49,3	18-29 лет	21,2	Среднее и средне-специальное	47,5	Осетины	51,1	Православные	52,1
								Мусульмане	13,2
жен.	50,7	30-49 лет	40,7	н/высшее, высшее	52,5	Русские	28,6	Трад. осет. религия	20,2
								Нетрадиционные верования	6,0
		50 лет и старше	38,1			Другой нац.	20,3	Атеисты	8,5

В экспертном опросе приняли участие 10 экспертов: политологи, юристы, журналисты, лидеры общественно-политических движений, представители исполнительной и законодательной властей. Подбор экспертов, основным критерием которого были компетентность и широкий кругозор, осуществлялся в соответствии с уровнем общего представления о проблеме, а также по принципу профессионального отношения к данной области знаний.

Конкретным, а сегодня наиболее узнаваемым примером проявления взаимосвязи религии и политики могут служить конфликты на религиозно-национальной основе. Сама по себе религиозная принадлежность не может быть причиной серьезных социальных конфликтов: они обусловлены определенными политико-экономическими

противоречиями (борьба за власть, за новые территории, источники сырья, рынки сбыта и т.д.), допускающими возможность переговоров и общего согласия. Но их сакрализация оборачивается опасными последствиями, когда они интерпретируются и осознаются их участниками как этапы providенциального хода истории, как неизбежные столкновения божественных и сатанинских сил, исключающие всякий компромисс. Отсюда предельный фанатизм, непримиримость враждующих сторон, которые объявляют свою деятельность священным долгом, оправдывающим любую жестокость и вероломство. В результате именно конфликты, которые возникают на религиозно-этнической почве, оказываются хроническими и труднопреодолимыми. Эти особенности «религиозного фактора» часто игнорируются современными

политиками, что неизбежно приводит к грубым просчетам в прогнозах, в попытках обеспечения социального прогресса.

Основной причиной возникновения и распространения экстремизма как в РСО-А, так и на Северном Кавказе явилось распространение религиозного течения ваххабизм¹, что во многом связано с кризисом ислама. Это имело место и в России в эпоху Петра Великого, в период реформы (1708-1715 гг.), в результате которой произошла ликвидация патриаршества. Церковь потеряла политическую самостоятельность, что вызвало недовольство боярства и церковной иерархии. Тогда консервативные принципы староверов мешали новым реформам, и приходилось ломать религию, делать ее более светской.

Как правило, в эпоху кризиса цивилизация подрывает консервативные формы любой религии, в том числе мусульманства, особенно идейно-политического движения ваххабизма, и они начинают в виде самозащиты приобретать более крайние формы. Можно прогнозировать, что ваххабизм будет быстро распространяться во всем мусульманском мире именно как признак кризиса, но не кризиса идеологии, а кризиса образа жизни, быта и т.д. Это, скорее, привлечение масс, потому что бедность сама по себе не ведет к расколу внутренних социальных связей. Кризис происходит в самом мусульманском мире (что хорошо просматривается среди автохтонных этносов),

¹ Ваххабизм — название религиозно-политического движения в суннитском исламе, возникшего в Аравии в середине XVIII века на основе учения Мухаммада ибн 'Абд ал-Ваххаба и ставшего впоследствии идеологией первого государства Саудидов. Ваххабитское движение выросло из богословской полемики по поводу очищения ислама от еретических нововведений (бида') и критериев истинного единобожия (таухид) и превратилось впоследствии в мощный фактор идейно-политической жизни мусульманского мира // См. более подробно: Социологическая энциклопедия. Том 1, М., 2003, с.132.

в этносе, которые сплавиваются на основе образа жизни. Тут проблема не в том, что мусульманство — религия. Если бы оно было ей, то религия была бы сама по себе, а образ жизни, государство, община — сами по себе. Дело в том, что религия переплелась с традициями, это образ жизни, это суть данного народа. А раз образ жизни начинает ломаться, то начинают ломаться и принципы самой религии, и она теряет идеологию.

В странах, где ваххабизм получил распространение, цель та же — связать воедино, создать некую целостность, хотя исходным материалом могут служить не феодальные земли, а этносы и субэтносы. Ислам предоставляет для этого широкие возможности. Одно из его основных положений досталось от средневековья — религия превыше этнической принадлежности. Ваххабизм, как никакой другой толк ислама, придерживается этого догмата. Почему же ваххабизм появился и постепенно распространяется на Северном Кавказе? Здесь имеются два главных очага ваххабизма — Дагестан и Карачаево-Черкесия. Эти республики более других многонациональны. В Карачаево-Черкесии, помимо русских (в том числе казачьего субэтноса), проживают четыре коренных народа: карачаевцы, черкесы, абазинцы и кубанские ногайцы. Что касается Дагестана, то положение здесь уникально: по-видимому, больше нигде в мире оно не встречается — Дагестан населен почти тридцатью этносами (частью, может быть, субэтноссами). Причины такого положения в общих чертах ясны. Дагестан — «страна гор», к тому же изрезанная глубокими ущельями. Это всегда способствовало консервации древних языковых и культурных особенностей. Иными словами, в Дагестане всегда шел процесс, диаметрально противоположный тому, что наблюдается почти во всем остальном мире. К тому же этот процесс подпитывался многовековыми иноземными вторжениями на Кавказ, из-за которых представителям или целым группам других народов приходилось укрываться в горах. Правда, какое-то

сближение мелких этносов с крупными все же происходило. Восемь дагестанских народов консолидировались вокруг аварцев, четыре — вокруг лезгин, три — вокруг кумыков. Причиной относительной консолидации была языковая близость. Главным связующим звеном между народами Дагестана был и остается русский язык. Сходное положение со связующей ролью русского языка наблюдается и в Карачаево-Черкесии.

Теперь, когда определенные силы, как за пределами Северного Кавказа, так и в самом этом регионе, делают ставку на выход региона (или хотя бы его части) из состава Российской Федерации, им нужно цементирующее начало. И как когда-то в Саудовской Аравии ваххабизм был призван идеологически объединить феодально-раздробленные земли, так сегодня средства связи, единения, цементирования полиэтничных республик (а в более далекой перспективе — республик между собой) видят все в том же ваххабизме.

Ваххабитские эмиссары-миссионеры прибывают на Северный Кавказ, прежде всего в Дагестан и Карачаево-Черкесию, из Пакистана, Иордании и даже из Саудовской Аравии. Вербовка проводится самыми разными способами. К тому же по некоторым полевым этнографическим данным, каждый, кто принимает ваххабизм, получает 5 тысяч долларов, и сумма эта для многих настолько велика, что известны случаи, когда принимают ислам и становятся ваххабитами местные русские.

В том виде, в котором в настоящее время ваххабизм распространяется на Северном Кавказе, он не представляет собой чего-то цельного. Не вдаваясь в детали, среди ваххабитов можно выделить два крыла — реформистское и радикальное. Сверхзадача у них одна: исламизация всего региона и, в конечном счете, установление на всей территории Северного Кавказа независимого исламского государства. Но тактика различна. Имам всех ваххабитов России (то есть не только северокавказских, но и поволжских) Нажмутдин Нажмутдинов, имеющий свою резиденцию в Москве, — реформатор. Он считает,

что программа распространения ваххабизма должна быть рассчитана лет на двадцать, а провозглашенный Кораном джихад (священная война против «неверных») в данное время должен быть обеспечен пропагандой: строительством мечетей, обучением основам ислама, разъяснительной работой среди населения, распространением листовок и литературы. Но реформистский ваххабизм предполагает также критику государственного строя, обращение к насущным экономическим проблемам, борьбу со взяточничеством и коррупцией одних и нищетой других. Входит сюда и резкая критика официального мусульманского духовенства, которое обвиняется в незнании Корана и Сунны, отходе от шариата и т. п.

Другое дело — ваххабиты-радикалы. Они не хотят ждать, и джихад для них — это то, что предназначено для джихада — открытая война с немусульманами. Однако и те, и другие ваххабиты выступают против «новшеств» («бида»), хотя и пользуются, подобно аравийским ваххабитам, всеми достижениями современной технической цивилизации, а также выступают против употребления спиртного, табака и наркотиков. Как и положено настоящим мусульманам, они призывают к созданию прочных многодетных семей (ислам строжайшим образом запрещает противозачаточные средства). Небезынтересный штрих. В то время как на Северном Кавказе традиционно запрещены кросскузенные браки (браки с дочерью брата матери или сестры отца), моджахеды, следуя шариату, считают их вполне допустимыми.

Как показывают материалы массового опроса, подавляющее большинство респондентов считают, что наибольшее распространение ваххабизм получил в Чеченской Республике и Республике Ингушетия (68,2% и 53,5% соответственно). Далее по убывающей следуют такие республики, как Дагестан (32,2%) и Кабардино-Балкария (27,5%). Республика Северная Осетия (8,2%) на шестом месте после Карачаево-Черкесии (таблица 1.). Всего 2,0% респондентов

уверены в том, что Религиозного течения ваххабизм в Российской Федерации нет. Причин этому явлению несколько, но главная из них состоит в том, что ислам рассматривается как важнейший критерий реконструкции постсоветского пространства. При этом необходимо выяснить, во-

первых, является ли ислам фактором, который способствует дезинтеграции России и ее вытеснению из региона; во-вторых, каковы формы и механизмы негативной политизации ислама; в-третьих, каковы возможные факторы использования благоприятного развития исламского возрождения.

Таблица 2.

Распределение ответов респондентов на вопрос: «По Вашему мнению, в каких республиках Северного Кавказа в наибольшей степени распространено религиозное течение ваххабизм?» (%)

Код ответа	Варианты ответа	Все опрошенные	Национальность	
			осетины	русские и русскоязычные
1	Адыгея	4,7	4,2	5,7
2	Дагестан	32,2	29,0	40,2
3	Кабардино-Балкария	27,5	22,0	34,5
4	Карачаево-Черкесия	11,2	11,7	11,5
5	Ингушетия	53,5	50,9	58,6
6	Северная Осетия-Алания	8,2	8,9	8,0
7	Чеченская Республика	68,2	67,8	71,3
8	Религиозного течения ваххабизм в Российской Федерации нет	2,0	1,9	2,3
9	Затрудняюсь ответить, отказ от ответа	13,7	14,5	11,5

В настоящее время Северный Кавказ, как и Россия в целом, переживает глубокие социально-экономические, политические изменения. Одной из характеристик переходности является деконструкция социальной реальности, возрастание ценностно-нормативной неопределенности, и здесь большое поле для социологов¹.

По мнению экспертов, традиционно оплотом ваххабизма на Северном Кавказе считаются Чечня и Дагестан. Но мне неизвестно, в какой степени это соответствует реальности. Они считают, что сообщения о ваххабитах в СМИ не отвечают действительности. Наличие двух-трех десятков ваххабитов в каждой из республик не является свидетельством того, что, допустим, в Дагестане ваххабизм существует. Хотя сторонники ваххабитов в республике, конечно, есть. Некоторые эксперты предлагают использовать термин «фун-

даменталистский ислам», потому что сложно утверждать что-либо наверняка. Социологических данных нет и не может быть в силу закрытости этих сообществ. Возможно, люди, исповедующие фундаменталистский ислам, есть в Чечне, Ингушетии, Карачаево-Черкесии, Ингушетии, в отдельных районах Ставропольского края, там, где компактно проживает ногайское население, отчасти в Кабардино-Балкарии, особенно среди балкарского населения. Особенно хочется выделить цитадель ваххабизма — Дагестан.

Как видно, традиционным оплотом ваххабизма на Северном Кавказе считаются Чечня и Дагестан, но насколько распространено это течение ислама в действительности — об этом может только рассказать специальное исследование по данной проблеме.

Прямых последователей учения Ваххаба на Северном Кавказе нет, но есть те, кого можно назвать салафитами (ищущие чистоты). В восьмидесятых — девяностых годах прошлого

¹ Дзудцев Х.В., Цуциев А.А.
Там же. С.9.

Таблица 3.

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Как Вы думаете, в Вашем городе (селе) есть люди, группы людей,
которые исповедуют религиозное течение ваххабизм?» (%)**

Код ответа	Варианты ответа	Все опрошенные	национальность	
			осетины	русские и русскоязычные
1	да	26,2	23,0	34,9
2	нет	31,5	36,3	18,6
3	затрудняюсь ответить, отказ от ответа	42,3	40,7	46,5

века возрождение переживали и православие, и ислам. Молодое поколение неофитов (новые приверженцы религиозного учения, новообращенные) захотело очиститься от муфтиев, которых считало связанными с КГБ. Отсутствие образованных наставников привело в ряде случаев к появлению настоящих салафитских сект, в которых исполнение норм шариата доводилось до абсурда и вступало в противоречие с Уголовным кодексом РФ. Те северокавказские мусульмане, кого сейчас принято называть ваххабитами (они же салафиты), действительно являются исламскими фундаменталистами. Но между фундаментализмом и терроризмом не следует ставить знак равенства. В России же эти понятия стали синонимами; возможно, правильнее использовать термин «фундаменталистский ислам». Но точных сведений, в силу закрытости данных сообществ, нет, поэтому, как было сказано выше, необходимы специальные исследования. Не исключено, что люди, исповедующие фундаментальный² ислам, есть в Чечне, Ингушетии и Дагестане.

Чтобы получить дополнительный материал с целью определения мас-

² Фундаментализм — общественно-идеологическое, религиозное движение, провозглашающее приверженность исходным идеям, принципам, ценностям определенных учений, доктрин, выдвигающее требования преодоления появившихся в ходе его развития извращений, уклонов, ересей и восстановления первоначальной чистоты, «возвращения к истокам» // Новый энциклопедический словарь. М., 2006, с. 1300.

штаба распространения религиозного течения ваххабизма, мы включили в инструмент исследования дополнительный вопрос.

На вопрос: «Как Вы думаете, а в Вашем городе (селе) есть люди, группы людей, которые исповедуют ваххабизм?» 34,9% русских и русскоязычных и 23,0% осетин думают, что в их городе (селе) есть ваххабиты, но 46,5% русских и русскоязычных и 40,7% осетин не стали отвечать по разным причинам на вопрос (Таблица 3).

На прямой вопрос о наличии ваххабизма в районах проживания респондентов подавляющее большинство как коренного, так и русского и русскоязычного населения дали положительный ответ.

Материалы массового опроса показали, что религиозное течение ваххабизм не является массовым явлением. В обществе есть мнение: нужен жесткий контроль, должна проводиться профилактика со стороны государства. И если бы такая профилактика проводилась, мы смогли бы избежать очень многих негативных последствий и научиться снимать напряжение. Необходимо, особенно сельским населенным пунктам, провинциальным городам, предоставлять большую культурную и языковую автономию. Человек всю жизнь может прожить, проработать в глубинке и ни разу не выехать в большой город. Надо дать людям возможность самовыражаться в литературе на родном языке, иметь свое печатное издание, т.е. нужна коммуникация, а не изоляция, в результате которой противоречия загоняются вглубь,

и люди становятся еще более замкнутыми. Они граждане нашей страны, и мы не можем от них просто открепиться. Запретом невозможно добиться результата, необходимо искать рациональный подход, чтобы не просто примирить одних с другими, с существующим бытом, а создать условия, в которых люди могли бы почувствовать себя комфортно, и тогда дискомфорт не приводил бы к агрессии.

Так как у граждан республики религиозное течение ваххабизм ассоциируется с чеченской войной, подавляющее большинство респондентов склоняются к идее его запрета.

Религия регулирует мораль, поэтому, по мнению респондентов и экспертов, является мощным духовно-нравственным фактором. На одном законе далеко не уедешь, но необходимо найти баланс между тем, в какой степени религиозные институты, церковь, мечеть должны вмешиваться в личную жизнь, т.е. давить на население, и в какой-то степени население должно иметь степень свободы вероисповедания. Респонденты считают, что религия — это дело совести каждого, и каждый должен иметь полную свободу. Если только это не выражение агрессии. Полная свобода не означает обязательную привязанность к какой-либо церкви, мечети. Это личное дело каждого гражданина. Не хочет кто-то соблюдать религиозные предписания — это его дело. Он может быть верующим. Тут важно не соблюдение догм и предписаний, а моральный облик человека. Подавляющее большинство опрошенных считают: если религия поддерживает моральный облик личности, укрепляет совесть, и эта личность действительно ведет себя как человек в общении с другими, — это польза. Если религиозная вера стимулирует противостояние одних людей в отношении других, пропагандирует превосходство того или иного направления, будь то иудаизм или христианство, тогда эта практика, считают респонденты, не го-

дится для общества, потому что непрогрессивная.

Материалы исследования показали, что подавляющее большинство граждан республики соблюдают основные религиозные обряды. И религия оказывает свое влияние на различные сферы социальной жизни общества. Часть взрослого населения считает себя принадлежащим к той или иной религиозной организации, хотя регулярно читающих Библию (Коран) насчитывается от 5,1% до 12,4%.

Существует отчетливо определяемая модель в отношении к религии, обусловленная возрастом, полом, образованием и местом проживания. Обычно пожилые люди религиознее тех, кто относится к более молодым возрастным группам. Женщины, как правило, чаще вовлекаются в лоно религиозных организаций, чем мужчины, сельские жители активнее соблюдают религиозные обряды, чем горожане.

В целом посещаемость религиозных храмов и открытое выражение религиозных чувств чаще встречаются среди более состоятельных людей, чем среди бедных групп населения, богатые не упускают возможность продемонстрировать свое отношение к религии публично: ремонтируют или строят новые религиозные храмы, передают им в дар ценные вещи.

Религиозный фундаментализм на Северном Кавказе — результат социально-экономической и политической нестабильности в регионе. Лидеры религиозного течения ваххабизм призывают своих последователей к строгой приверженности системе принципов, верований, призывают к буквальному пониманию основных терминов «реформаторство» или «обновление» и считают, что доктрины, возникающие в результате такого прочтения, должны применяться ко всем отраслям общественной жизни и выступать как оппозиция к тем модернизационным попыткам, которые происходят на Северном Кавказе.

Примечания:

1. Арутюнян Ю.В. Постсоветские нации. М., 1999.
2. Дзеранов Т.Е. Религия осетин и русская культура. Владикавказ, 2006.

3. Дзутцев Х.В. Ваххабизм в республиках Северного Кавказа Российской Федерации: реалии и последствия // Социс. М.: Наука, 2011. №8.
4. Дзутцев Х.В. Религиозные и межнациональные установки населения республик СКФО РФ: этносоциологический анализ. М., 2010. Кн. 4.
5. Дробижева Л.М. Возможность совместимости гражданской и этнической идентичности // Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформаций. Киев, 2007.
6. Малашенко А.В. Ислам для России. М., 2007.
7. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / под общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М., 2009.
8. Федотова В.Г. Хорошее общество. М., 2005.

References:

1. Arutyunyan Yu.V. The post-Soviet nations. M., 1999 .
2. Dzeranov T.E. Religion of Ossetians and Russian culture. Vladikavkaz, 2006 .
3. Dzutsev H.W. Wahhabism in the Northen Caucasus republics of the Russian Federation: the realities and consequences / / Sotsis. Moscow: Nauka, 2011. Number 8.
4. Dzutsev H.W. Religious and ethnic population installation SKFOof Russian republics: ethno-sociological analysis . Moscow, 2010 . Book. 4 .
5. Drobizheva L.M The possibility of compatibility of civil and ethnic identity // National civic identity and tolerance. Experience of Russia and the Ukraine in the period of transformation. Kiev, 2007.
6. Malashenko A.V. Islam in Russia. M., 2007 .
7. Regions in Russia : social and cultural regions portraits in Russia's national context / under total. Ed. N.I. Lapina , LA Belyaeva . Moscow, 2009 .
8. Fedotov VG Good society . Moscow, 2005 .